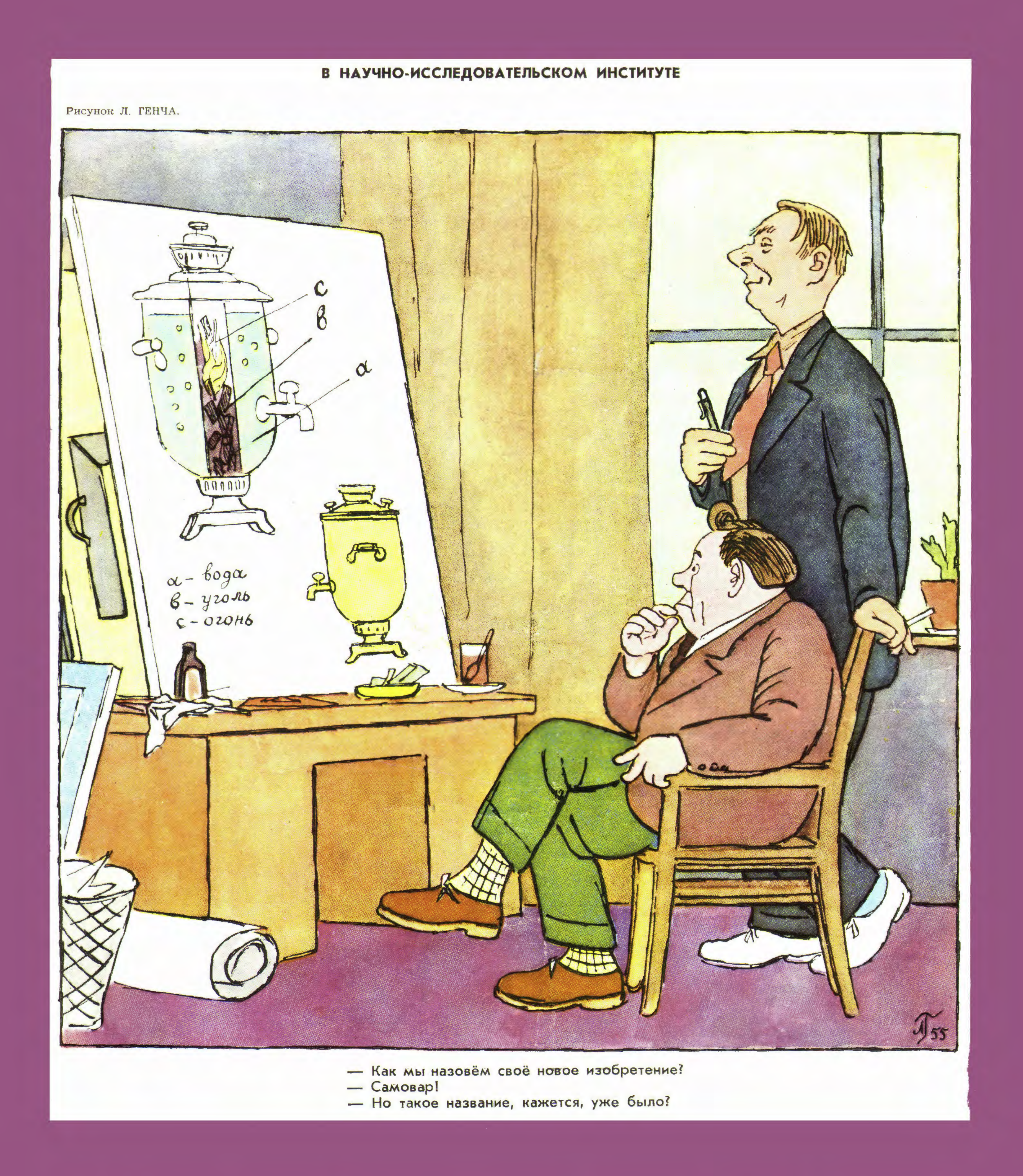
В НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОМ ИНСТИТУТЕ

Рисунок Л. ГЕНЧА.

— Как мы назовём своё новое изобретение?
— Самовар!
— Но такое название, кажется, уже было?

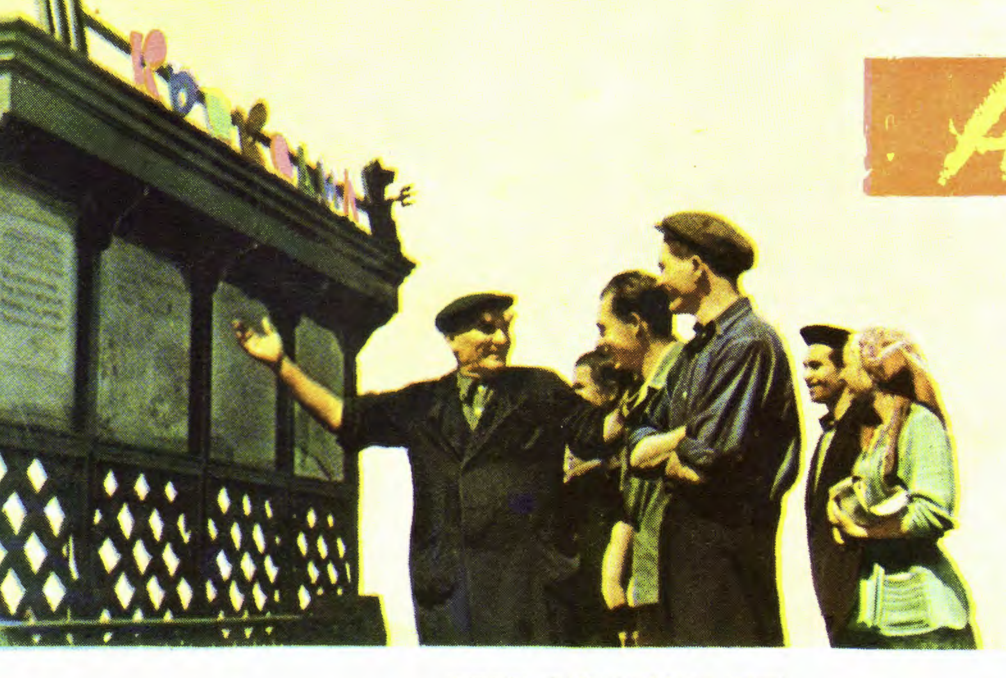
КРОКОДИЛ

№ 17 (1415) ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА» ЦЕНА НОМЕРА 1 р. 20 к. ГОД ИЗДАНИЯ 34-й МОСКВА 20 ИЮНЯ 1955

На старых гусеницах

Н. ЛАБКОВСКИЙ

Фото А. УЗЛЯНА.

СКВОЗЬ САТИРИЧЕСКИЕ ОКНА

На Харьковском тракторном заводе сейчас много говорят о техническом прогрессе.

Говорят руководящие товарищи. Говорят рабочие. И говорят факты...

Бывает и так, что факты досказывают то, о чём умалчивают руководители и над чем посмеиваются рабочие.

Руководители завода со всей откровенностью поделились с нами достижениями на пути технического прогресса:

– На заводе создан новый садово-огородный трактор ДТ-14, который придёт на смену устаревшему ХТЗ-7.

– Конструкторы автоматизируют поточные линии в цехах.

– Растёт и ширится рабочее изобретательство на заводе.

– Объявлена борьба с захламлённостью цехов.

– Строятся новые цехи, расширяются старые.

– И наконец конструкторы завода добились значительного улучшения гусениц на тракторе ДТ-54, что повысит его проходимость, работоспособность и долговечность...

Мы уже готовы были удовлетвориться этими сообщениями, но здесь нам попалась на глаза небольшая витрина. На ней красовался молодой крокодилёнок с вилами наперевес. Витрина содержала несколько «сатирических окон». Заглянув через них в цехи и отделы завода, мы познакомились с фактами.

ОБХОДНЫЙ МАНЁВР

Итак, на заводе создан новый дизельный трактор ДТ-14, выросла смена устаревшему бензиновому ХТЗ-7.

Чтобы познакомиться с этим достижением, мы зашли в тракторный цех № 3, где организовано новое моторное отделение.

Начальника отделения тов. Фаталевича мы застали в несколько странной позе. Он стоял в полупустом цехе и не то разводил руками, не то кому-то что-то показывал.

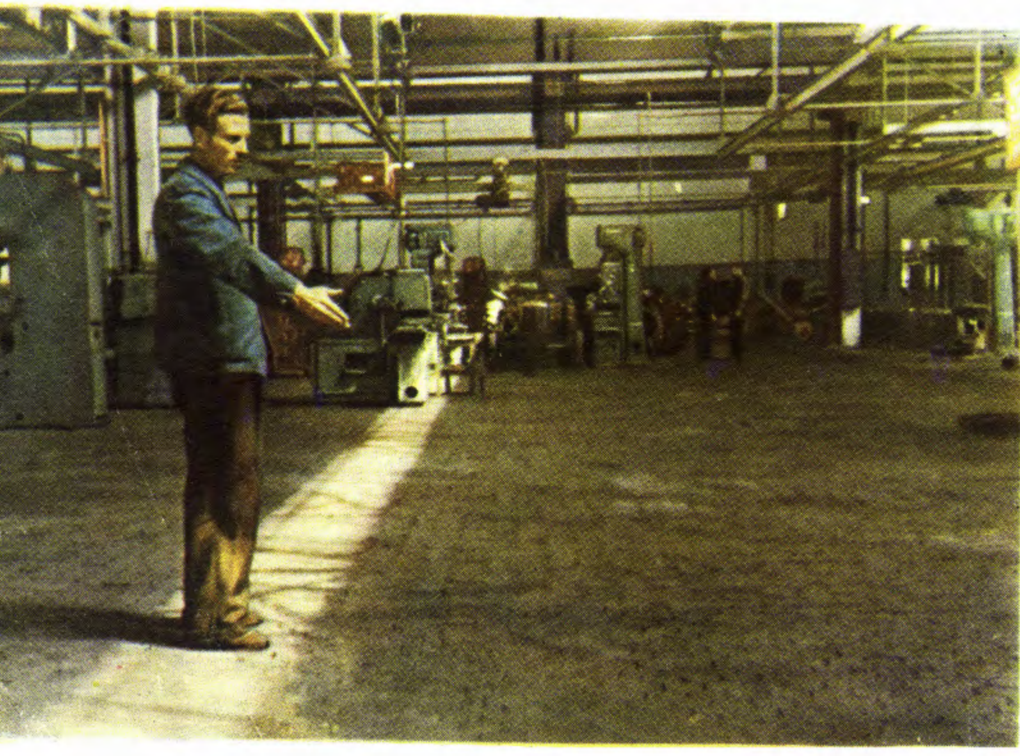
– Что с вашим начальником? – спросили мы у рабочих.

– Он попал в трудное положение. По плану мы должны дать три тысячи дизелей для новых тракторов ещё в 1955 году. А станки, на которых эти дизели нужно изготовлять, поступят к нам на завод в 1956 году. Вот товарищ Фаталевич и прикидывает, как в нынешнем году работать на станках, которые прибудут через год.

– Стало быть, новые тракторы в этом году не выйдут?

– Нет, почему же, выйдут. Мы будем изготовлять дизели на старых станках «обходной технологией».

– Это ещё что за штука?

– Такой технический манёвр. Вроде как берутся правой рукой за левое ухо. Конечно, при этом моторы несколько вздорожают, но план заводом будет выполнен.

– Кто же окажется обойдённым в данном случае?

– Технический прогресс...

НЕВЕРНАЯ ЛИНИЯ

Чтобы воочию убедиться, как автоматизируются поточные линии, мы посетили цех приспособлений. Здесь уже давно построена автоматическая поточная линия сальников для цеха шасси.

В поисках этой линии мы исколесили цех приспособлений вдоль и поперёк. То же самое проделали в цехе шасси. Вновь вернулись в цех приспособлений и вынуждены были констатировать, что поточную линию «как корова языком слизала».

Может быть, произошла ошибка? Нет, согласно «мероприятиям», подписанным главным технологом завода, автоматическая линия должна работать уже больше года.

– Что вы ищете? – спросили нас рабочие.

– Линию ищем.

– Так вот же она, перед вами.

Перед нами покоилась груда металла. Здесь были узлы линии, которые ничего не связывали, и пульты управления, которые ничем не управляли.

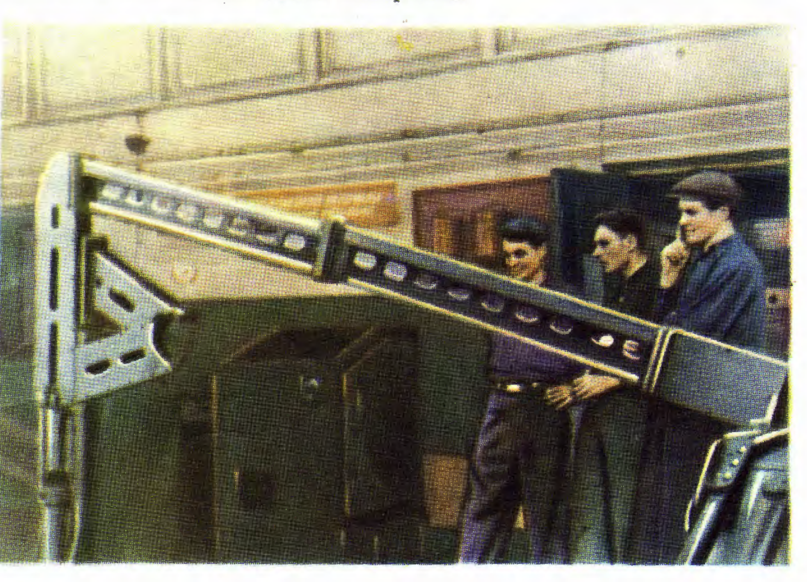
– Уж целый год лежит, сердечная! И когда на ноги встанет, никто не знает.

– В чём же тайна?

– Линия неверная.

– Ошибка в расчётах?

– Нет, у нас ошибок нету. Конструкторы линию сконструировали, завод линию построил. Но приборы и аппаратуру завод «Гипропровод» нам не дал. Внезапно изменил продукцию. Вот теперь и ищите, где линия неверная...

«И ДР.»

Тут мы подошли ещё к одному вопросу, без которого и речи не может быть о техническом прогрессе.

В маленькой комнате БРИЗа мы не без труда выяснили, как «растёт и ширится рабочее изобретательство на заводе».

Изобретатели выступили недавно в заводской газете «Темп» с письмом о судьбах их предложений. Работники БРИЗа пообещали «принять меры».

Спустя несколько месяцев меры были «приняты». Так, например, число нереализованных предложений за это время выросло с 1 288 до 1 467. Удалось также установить, что среди нереализованных – 836 предложений ожидают приговора «соответствующих инстанций» год, два и даже три. А одно дождалось пятилетнего юбилея.

15 июля 1950 года заводской изобретатель М. П. Шульгин предложил новую конструкцию «всережимного регулятора топливного насоса для трактора».

Нельзя сказать, чтобы в течение пяти лет изобретение лежало без движения. Напротив, оно неоднократно передвигалось: из бюро рабочего изобретательства в отдел главного конструктора; от главного конструктора в конструкторское бюро топливной аппаратуры; оттуда в Научный автотракторный институт, из института к главному инженеру Главтракторопрома; оттуда опять на завод, снова в НАТИ, обратно в главк, опять на завод и, наконец, на опытные поля...

За это время изобретатель сделал новые, усовершенствованные варианты своего регулятора, но об этом и заикаться боязно! Ведь тогда всё начнётся сначала...

173 шульгинских регулятора уже несколько лет в опытном порядке работают на тракторах. Ни из одной МТС жалоб не поступило. Плановики подсчитали, что внедрение нового регулятора сэкономит миллионы рублей.

Однако изобретение продолжает свой скорбный путь, который отнюдь нельзя назвать путём технического прогресса. А следом тянется хвост из протоколов, отзывов, резолюций.

Поглядите на тов. Шульгина. Кипа бумаг у него в руках побольше самого регулятора. Вас интересует, чем объясняются долголетние странствия изобретений? Процитируем протокол совещания, состоявшегося 11 октября 1953 года «при главном инженере Главтракторопрома». В протоколе сказано:

«Решение о внедрении может быть принято только по получении положительных заключений от НАТИ, НАМИ, НЗТА, ЛТЗ, МТЗ и др.».

Всё дело, как видно, в этом «и др.». Никто не знает, сколько ещё «утверждающих» инстанций оно в себе содержит...

ЗАХЛАМЛЕННОСТЬ И БЕСПОРЯДОК СНИЖАЮТ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТЬ ТРУДА И ПРИВОДЯТ К НЕСЧАСТНЫМ СЛУЧАЯМ И ЗАБОЛЕВАНИЯМ.

НЕЗАГАДОЧНАЯ КАРТИНКА

Чтобы поглядеть, как ведётся «борьба с захламлённостью цехов», мы посетили прессовый цех. Нет слов, здесь тесно. Не случайно расширение цехов должно начаться именно с прессового. Но, кроме тесноты...

...Начальник цеха тов. Сирота – поборник чистоты и порядка. Он понимает, что многое может стать препятствием на пути технического прогресса. Например, захламлённость. Чтоб и другим это стало понятно, он на видном месте повесил плакат.

А под плакатом вот какая картинка! И сфотографирована она в том же прессовом, где начальник понимает, что многое может стать препятствием на пути технического прогресса.

Мы хотели напечатать фотографию без комментариев, но побоялись, что тогда вину взвалят на работницу, стоящую у станка. А она ни в чём не повинна. Это Юлия Манохина, одна из лучших стахановок цеха. Её единственная «вина» в том, что она вместо 1 500 колец в смену даёт 2 500... Чем и «помогает» загромождению цеха, начальник которого не считает нужным оборудовать у станков простейшие ящики для деталей...

УНР — ЛУЧШЕЕ В ГОРОДЕ

Посмотреть, как «строятся новые цехи и расширяются старые», нам не удалось. Цехи цветного литья и экспериментальный, которые по плану должны вступить в строй в этом году, ещё и не начинали строить. К расширению прессового и кузнечного тоже не приступали. Повлиять на строителей завод не в силах.

– Но вы можете сфотографировать строительство второго чугунолитейного цеха, – утешил нас главный инженер завода тов. Сериков. – Чугун нам нужен, как воздух, а строительная организация УНР-610 срывает все сроки.

– Какую другую организацию вы бы предпочли?

– УНР-610! – решительно ответил главный инженер. – Это лучшие строители в Харькове. Они опаздывают только на год...

На окраине завода мы увидели будущие гигантские корпуса цеха. Рабочий день был в разгаре, но в сторонке нежилась на солнышке группа бетонщиков.

– Перерыв на обед? – наивно спросили мы.

– Нет! Перерыв на бетон. Бетону нет, вот мы и загораем.

В это время послышалось классическое извозчичье «Тпрру!». Подвода, запряжённая конягой, подвезла арматуру для бетона.

– Безрельсовый транспорт! – пошутил один из строителей. – Заменитель самосвала.

– Что, машин не хватает?

– Машин хватает. Только зачем бензин тратить? Пока бетон подвезут, наша Сивка арматурой нас вполне обеспечит...

РАСКРЫТЫЕ ТАЙНЫ

Нам оставалось ещё посмотреть, как чувствуют себя старые тракторы ДТ-54 на новых, «трёхпроушенных» гусеницах, которые должны улучшить их проходимость, работоспособность и т. д.

Словно идя навстречу нашим пожеланиям, паровоз тянул по территории завода состав, гружённый новыми тракторами, только что сошедшими с конвейера.

Затвор фотоаппарата щёлкнул.

– Если можно, уничтожьте эту фотографию, – смущённо попросили нас провожатые.

– Разве мы раскрываем какую-нибудь тайну?

– Нет, но эти новые тракторы ходят на старых гусеницах.

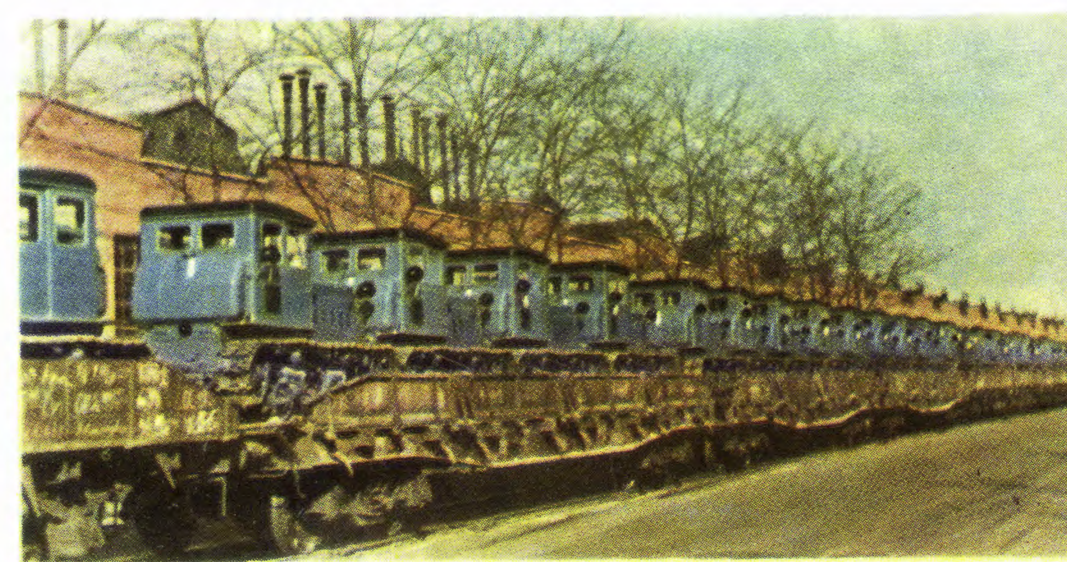
– Как?! Ведь ещё в апреле завод должен был выпустить тысячу усовершенствованных гусениц!

– Увы! Главтрактороснаб только 3 мая дал 120 тонн стали нового профиля.

– Значит, в мае...

– Увы! Нам нужно 480 тонн, а не 120...

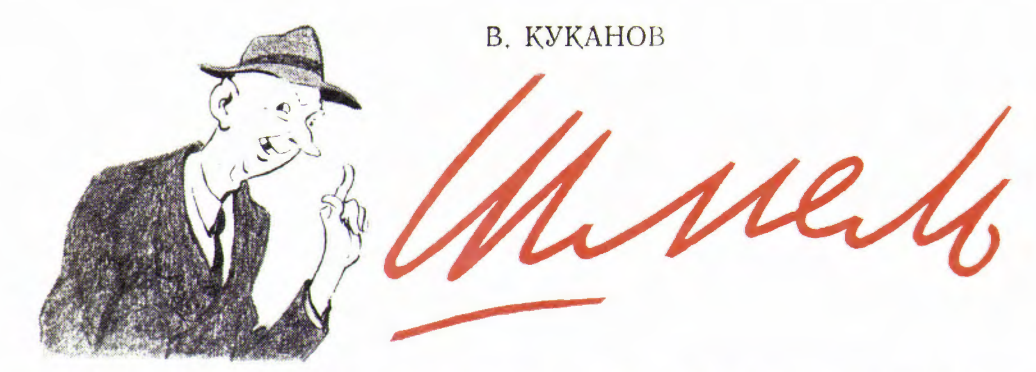
Мы решили не уничтожать эту фотографию, как, впрочем, и все другие, которые объяснили нам, что же мешает этому гигантскому совершенному заводу двигаться по пути технического прогресса не на словах, а на деле...

В. КУКАНОВ

Шмель

— А-а! Иван Филипыч! С низкокланяющимся к вам почтением!

«Вот загнул! С почтением, да ещё с низкокланяющимся,— ужаснулся я.— Так кудревато может выражаться только Викентий Васильевич Зудилов...»

И в самом деле это был он, собственной персоной; догнал меня на улице и зашагал рядом. Впрочем, вряд ли Викентия Васильевича можно назвать «персоной». Под это определение подходит больше какая-нибудь солидная, внушительная фигура, а он поджарый, кадык выдаётся у него чуть ли не дальше, чем подбородок. Пальто и брюки ему коротковаты, наводят на мысль, что в них легко от долгов бегать.

Я поздоровался, хотя и не особенно обрадовался этой встрече, с бывшим сослуживцем Викешей, как, помню, звали его сотрудники.

— Домой? — допытывался Викентий Васильевич и прощупывал меня цепким взглядом своих глубоко посаженных глаз.— Значит, попутчики... Ну, как живётся-можется на новом поприще? Не грызёт сожаление, что покинули нас?

— Да нет, пока доволен...

— Ну вот! Я же говорил, что там будет лучше. Ведь у нас не работа, а, извините за выражение, каторга.

Он так говорил? Кажется, наоборот, обвинял меня в неусидчивости и пророчил неминуемые беды. Но об этом я не стал ему напоминать, сказал только:

— Да, у вас в конторе действительно каторга: бумаги, бумаги — тонете в них.

— Не в бумагах дело, а в людях. Один наш многоуважаемый директор промкомбината Николай Николаевич Горихвостов чего стоит! Молокосос, а нос дерёт, как большой! Когда ещё его назначали, я сразу сказал: пустое место!..

Узнаю, узнаю Викешу! Знакомая песня! Он «сразу сказал»! Мне кажется, случись в наших Кулебаках землетрясение или упади метеорит, он и тогда, если не умрёт от испуга, скажет: «Я же говорил!»

Мы шли сквозь сырой туман. Дело было в апреле, под ногами стояли лужи, но и снег ещё не сошёл, цеплялся за каждую ложбинку.

Я почти не слушал Викентия Васильевича. У него бас, но, должно быть, с детства простуженный, с присвистами и полутонами. Когда он говорит, то кажется, что над ухом кружатся и жужжат шмели, слова пролетают мимо ушей. Пока я поймал нить его рассуждений, он успел далеко продвинуться в заочной (и поэтому смелой!) атаке на своего начальника.

— ...И это руководитель предприятия?! Эх-хе-хе! Люди занимают посты не по физическому и мыслящему состоянию своего ума, а благодаря ранее подстроенного блата, друзей и тому подобных вещей. Знаете, что после вашего ухода отмочил директор? Ведь за это голову с плеч! Зима стояла сиротская, морозов не видели, холодильников у нас нет, а он дал команду с декабря полным ходом мясо для колбасного цеха заготовлять. Пока, мол, дешёвое. Конечно, оно в такую погоду в полцены идёт, каждый старается сбыть с рук. А наш умник обрадовался. Забили склад тушами — и тут оттепель грянула. Колбасный цех круглые сутки работал, да где там! Сколько добра пропало! Какие убытки!..

— Постойте, постойте! — не выдержал я.— О чьей голове речь? Не с вашей ли драгоценной тут начинать надо?

— С моей? — Викентий Васильевич даже вздрогнул и погладил себя по шее.— Здрасте! А я тут с какого боку припёка?

— Как с какого? Начальник планового отдела: вы же планировали заготовки.

— Э-э, нет, душа любезный! Меня в это недоразумение не путайте. Моё дело извозчичье. Да! У меня имелось указание руководящего лица.

— Указание! Но своя-то голова у вас не в отпуску же была! Сами вы понимали, что такие заготовки — дело рискованное?

— А что же тут не понимать! Директор наш ещё зелен, а я на этом деле зубы сточил... Я предупредил его: погода ненадёжная, смотрите, как бы чего не вышло. А он обругал меня человеком в чехле или, как там... в футляре. Ну, я спорить не стал, мне свои нервы дороже, они у меня не казённые. Думаю, чёрт с тобой, ты начальник, ты и отвечай за последствия.

— Милая логика! Он по молодости круто взял, а вам надо было образумить его, из кожи вылезть, а доказать своё.

— Ну, знаете, у меня кожа всего одна. Вылезешь из неё и останешься, как ободранная белка. Я вот прав был, прав, а когда напомнил ему, я же, мол, говорил, так он на меня, как лев, рыкнул.

— Напоминать, конечно, легче и безопасней, чем спорить с начальством, когда ещё не ясно, как оно там сложится, но... между нами, не попахивает ли здесь шкурническим подходцем к делу?

Зудилов сразу осекся. Он несколько раз в растерянности открывал рот, собираясь что-то сказать, и вдруг начал усиленно откашливаться.

Мне, признаться, стало не по себе от его разглагольствований — смеси самомнения, желчного брюзжания и философии типа «моё дело извозчичье». Мы как раз подошли к перекрёстку, я остановился и сухо сказал:

— Вы улицей пойдёте? А я здесь, дворами, проскочу: спешу.

Я церемонно раскланялся, повернулся к Викеше спиной и прибавил ходу.

— Там сейчас не пройдёте. За стадионом ручей разлился,— послышалось мне вдогонку.

— Как-нибудь! — отмахнулся я и подумал: «Три километра крюку дам, лишь бы не слышать твоего жужжания!»

Рисунки Е. ЩЕГЛОВА.

Я свободно вздохнул, неторопливо проходя дворами. Бывают же люди! Поработай вот с таким! Опереться на него нельзя: он гнётся и нисколько не пружинит. А отпусти — по лицу хлестнёт, откуда упругость возьмётся. Сколько я его знаю, он всегда такой. И видит, когда что-нибудь делается не так, но промолчит. Или скажет своё мнение, но отстаивать не будет, буркнет для того, чтобы потом иметь право торжествовать...

Не успел я так подумать, как за спиной вдруг послышались торопливые шаги и всё тот же надтреснутый бас:

— Без приятного собеседника, знаете, скучновато...

Я только вздохнул глубоко.

Викеша пошёл вполоборота ко мне и сразу замахал руками с энергией джазового дирижёра:

— Так, по-вашему, значит, я, стрелочник, виноват? Почему не настоял на своём? В корне не согласен. Я предупредил, но начальство не вняло моим дельным предложениям, пусть оно и отвечает. А спорить? Увольте. Я ещё не сошёл с ума. Поспорь с начальством, а потом попробуй с ним работать. Как говорится, заболеть нетрудно, попробуй потом умереть. Мою работу в комбинате оценили, но за то, что я открыто выступал с критикой, директор решил стереть меня с лица земли. Я попал в тяжёлую немилость начальника за то, что обвинял его в том, что он не считается с интересами дела, не изучает людей, игнорирует инициативу масс...

Тут только Викеша перевёл дух. В колеблющемся свете фонаря на углу стадиона, мимо которого мы проходили, я заметил, как тревожно бегали его глаза...

«Ей-ей, сочиняет! — невольно подумал я.— Это он «открыто выступал с критикой»? Сказки! Где-нибудь за углом шипеть — вот его манера».

— Ничего! Вряд ли директор успеет стереть вас с лица земли. Скорее вы его сотрёте в порошок своим языком,— ободрил я оратора.

Не знаю, как бы развернулся наш разговор дальше, но тут мы подошли к ручью, и Викеша сразу просветлел:

— Вот, полюбуйтесь!

Ручей действительно вздулся, вода напитала лежавший в русле снег и, коварно поблескивая, струилась поверх него. Не Волга в разлив, но метра в два шириной преграда перед нами легла...

«Радуется?! — удивился я.— Значит, и бежал за мной, чтобы полюбоваться, в каком глупом положении я окажусь».

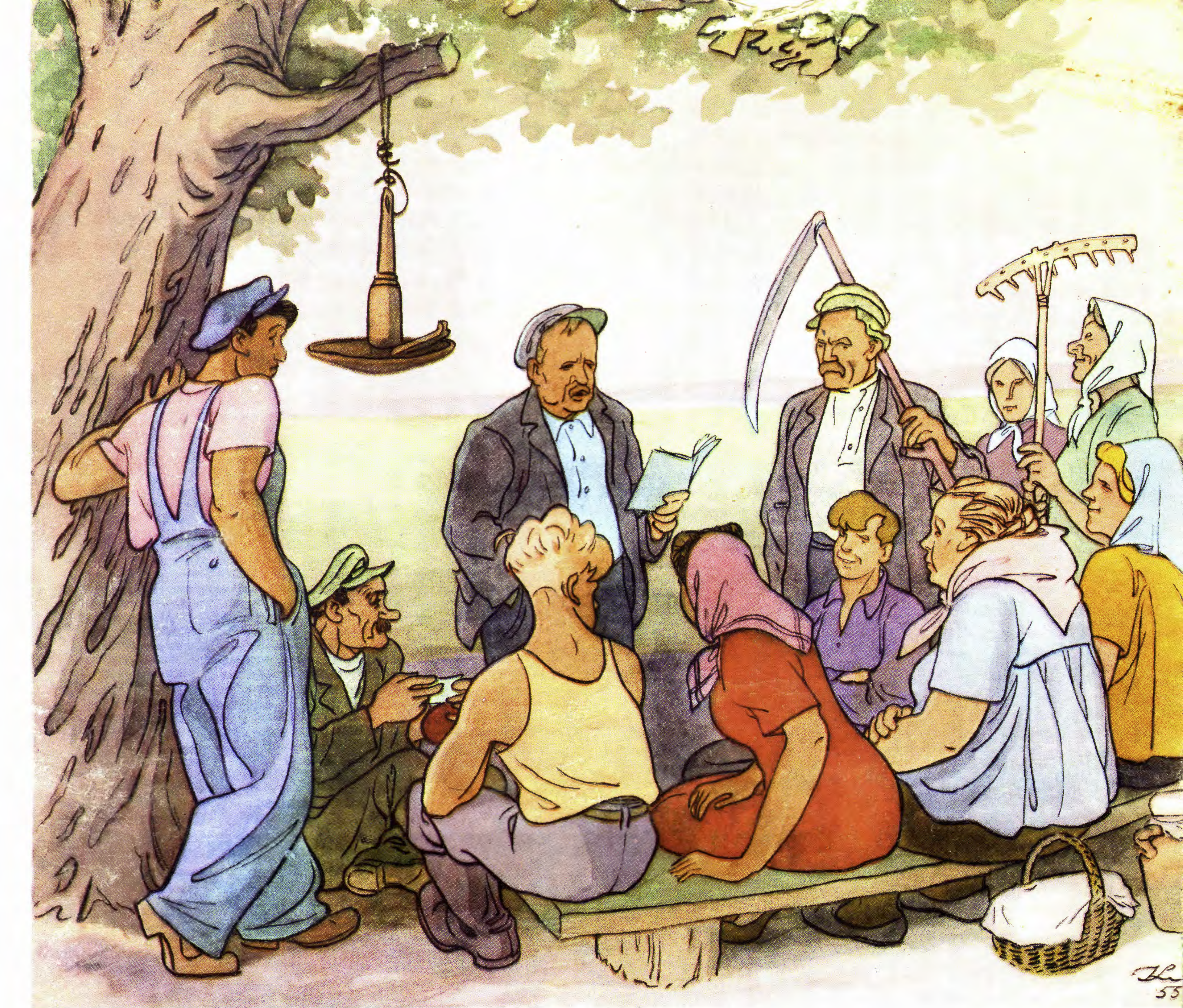
Ума не приложу, что меня окрылило, но я совершил подвиг: отступил на несколько шагов, разбежался и, несмотря на свои сорок пять лет, перемахнул через ручей. Если бы за мной гналась стая голодных волков с горящими глазами, и то неизвестно, нашлась бы или нет у меня такая резвость. Викеша только крякнул от зависти. Я обернулся помахать ему на прощание, но рука моя повисла в воздухе. Как видно, он решил повторить мой манёвр. Он зашёл на то же место, разбежался, взлетел и... благополучно плюхнулся обеими ногами в ручей. Снежная жижица из-под его ног испуганно выплеснулась на берег.

Мне показалось, что в первую минуту Викеша был вполне удовлетворён таким исходом дела.

— Ну что? — злорадно произнёс он.— Я говорил! Я же гово... А-а!..

Ледяная вода добралась до его ног и тисками сдавила щиколотки. Он исторгнул отчаянный вопль. Сквозь его хрипловатый бас прорезался вдруг такой цельнометаллический дискант, что у меня зазвенело в ушах, а где-то неподалёку залились лаем собаки. Высоко вскидывая ноги, Викеша выскочил из ручья, зачем-то вздёрнул обе штанины и расхлябанным галопом припустился в гору.

Как ни настроен был я против Зудилова, но посочувствовал ему: пал человек жертвой своего мелкого злопыхательства!

ЗАПАМЯТОВАЛ

Рисунок К. ЕЛИСЕЕВА.

— Какое безобразие! Петра Наседкина нет, Петька Сорокин тоже не вышел!
— А сегодня, Пётр Федотыч, Петров день.
— Да?! Спасибо, что напомнила. Вот ты, Дарья, вместо меня и останешься за бригадира.

ЖИЗНЬ НА КОЛЕСАХ

(История в трёх разговорах и двух антрактах.)

Разговор первый *(в кабинете заместителя начальника Южно-Уральской железной дороги тов. Шпаковича):*

ШПАКОВИЧ *(обращаясь к начальнику пассажирской службы той же дороги тов. Слипченко).* Сейчас я подписал приказ № 269 о предоставлении заместителю начальника Курганского отделения Иванову служебного вагона для перевозки семьи и домашних вещей. Понимаете? От станции Дема до станции Курган. Прошу проследить.

СЛИПЧЕНКО. Да ведь это же незаконно!.. Газета «Гудок» неоднократно...

ШПАКОВИЧ. Не пересказывайте. Если мы дадим человеку на десять дней вагон, ничего с вашими законами не станется.

Антракт *(во время которого пассажирский вагон № 904 с чадами и домочадцами и товарный вагон № 434605 с пожитками тов. Иванова благополучно прибывают на ст. Курган. Вагоны ставятся в тупик, к ним срочно подключаются свет и телефон. Проводники, сопровождающие вагоны, с места в карьер устремляются на рынок и в магазины — исполнять поручения супруги заместителя начальника отделения).*

Разговор второй, строго конфиденциальный *(в кабинете начальника Курганского отделения тов. Пичугина):*

ИВАНОВ. Как бы мне не нагорело за вагончики-то. На квартирку пора перебираться. Вы ведь обещали квартирку.

ПИЧУГИН *(укоризненно).* Ай-яй-яй!.. Какого ещё рожна тебе надо? Тепло, светло, бесплатно... да плюс даровые услуги четырёх домработ... то бишь, проводников. Стыдись, неблагодарный!

Антракт *(во время которого Иванов устыдился настолько, что, когда ему впоследствии предлагают квартиру, он смиренно от неё отказывается, говоря: «Я человек скромный, как-нибудь перебьюсь и в вагоне»).*

Разговор третий *(в бухгалтерии Курганского отделения):*

МОЛОДОЙ СЧЕТОВОД *(почёсывая за ухом).* Ума не приложу: по какой статье проводить расходы по бытовому обслуживанию товарища Иванова? *(Пододвигает к себе счёты.)* За простой вагона по 7 мая включительно 10 тысяч 746 рублей — раз! Зарплата и суточные проводникам ещё 6 тысяч 244 рубля — два!.. Кто же будет платить? Может, из зарплаты товарища Иванова и товарища Пичугина удерживать?..

БУХГАЛТЕР. Э-эх ты! Сразу видать, что счетовод, а не бухгалтер. Разве наше начальство за свои причуды из собственного кармана расплачивается? Государство будет платить — вот кто!

Н. ЛАРИН

Своя рука

Человек в надвинутой на глаза шапке, как тать, подкрался к ферме колхоза имени К. Маркса в тот момент, когда буйная ночь перепутала все стёжки-дорожки, а ничего не подозревавшие коровы мирно дремали. Он неслышно подпёр дверь бревном, бросил под окошко охапку сухой соломы, чиркнул спичкой и...

— Караул! Горим!!! — раздалось вскоре на ферме.

В подпёртую дверь стучали изнутри ночевавшие на ферме люди; метались в стойлах перепуганные животные; над хутором летел тревожный звон; с вёдрами и огнетушителями сбегались колхозники.

А что же поджигатель? Может быть, прячась и петляя, он мчится по задворкам, чтобы укрыться в лесу или в овраге?

Ничуть не бывало. Широко расставив ноги, он по-хозяйски стоит посреди двора. Он явно доволен произведённым им пиротехническим эффектом.

— Ну, чего уставились, как толстая свекровь на худую сноху? — кричит он колхозникам, предотвратившим пожар. — Любопытствуете, отчего загорелось? От бдительности пожар получился... Хотел проверить, не притупилось ли это ответственное качество у наших сторожей. Вот, можно сказать, огнём испытал.

Обдав слушателей густым запахом винного перегара, поджигатель, оказавшийся самим председателем колхоза Олегом Павловичем Сидоренко, удалился походкой, которую можно было назвать твёрдой лишь при известной натяжке.

— Послал нам бог председателя! — вздохнул седоусый дед, обожжёнными пальцами сворачивая цыгарку.

— Не бог, а секретарь райкома партии товарищ Перминов, — поправили деда.

Колхозники стали расходиться. Не очень почтительно толковали они о своём руководителе, удивляясь неисповедимости путей, приведших Олега Павловича в колхоз имени К. Маркса.

До этого Сидоренко подвизался на земледельческой ниве в качестве агронома и прославился в районе только тем, что крепко «зашибал». Когда слабости Сидоренко стали более явными, его вызвал к себе секретарь райкома партии.

Однако напрасно волновался Сидоренко, ожидая встречи с суровым руководителем. Перминов вызвал его не казнить, а миловать:

— Поезжай-ка в хутор Красный Яр, рекомендуем тебя председателем колхоза.

Новую свою жизнь Сидоренко начал с того, что пышно отметил это событие. Вскоре в колхозе никто уже не сомневался в питейных способностях нового председателя. При этом о закуске неизменно заботился бухгалтер колхоза Н. Сафонов. С его лёгкой руки в председательский дом потекло жирное молочко, покатились свежие яички, посыпалась белоснежная мучица. Словом, заботами бухгалтера Сафонова к домашнему очагу предколхоза Сидоренко из колхозной кладовой было переправлено на семь тысяч рублей продуктов. Не обошлось тут и без помощи заместителя председателя колхоза Себрюка.

Аппетит руководящей тройки — Сидоренко, Сафонова и Себрюка — разгорался с каждым днём. И ничто не омрачало бы их существования, если бы не кладовщик Гарин.

— Не буду выдавать продукты без накладной! — заявил он.

— Доверенным лицам не доверяешь! — одёрнули его и вежливо разъяснили, что так поступать с начальством не годится.

А чтобы и другим неповадно было, постановили снять кладовщика с работы с краткой формулировкой: «За грубость».

Та же участь постигла и заведующего складом Мельникова. Он непочтительно отнёсся к начальству, отказавшись выдать «на нужды руководства» две тонны хлеба.

Но «свято место пусто не бывает». Вакантные места заняли друзья и собутыльники председателя — Войтович и Романько.

Новые помощники пришлись по вкусу колхозному руководству. Контакт был полный. Совместными усилиями за год было разбазарено более чем на сто тысяч колхозных средств и инвентаря.

Об этом колхозники сообщили секретарю райкома тов. Перминову.

— Безобразие! — воскликнул тов. Перминов, входя в кабинет к председателю райисполкома Казурову. — Колхозникам, видите ли, не нравится Сидоренко! Согласиться с ними — значит подорвать свой авторитет. Ведь мы же его рекомендовали!

— Правильно, — авторитетно подтвердил Казуров, — Сидоренко, может быть, и ошибся. Но ведь на ошибках люди учатся...

— Ну ничего, — утешил секретарь райкома, — скоро в колхозе перевыборное собрание, вот мы его снова порекомендуем в председатели: пусть учится.

Но колхозники держались несколько иного мнения. По их сигналу в колхоз приехал районный прокурор В. Барненко. Однако вскоре он отбыл восвояси, установив, что все факты подтвердились. А Сидоренко и его тёплая компания попрежнему живут да поживают на сытных колхозных хлебах: своя рука — владыка!

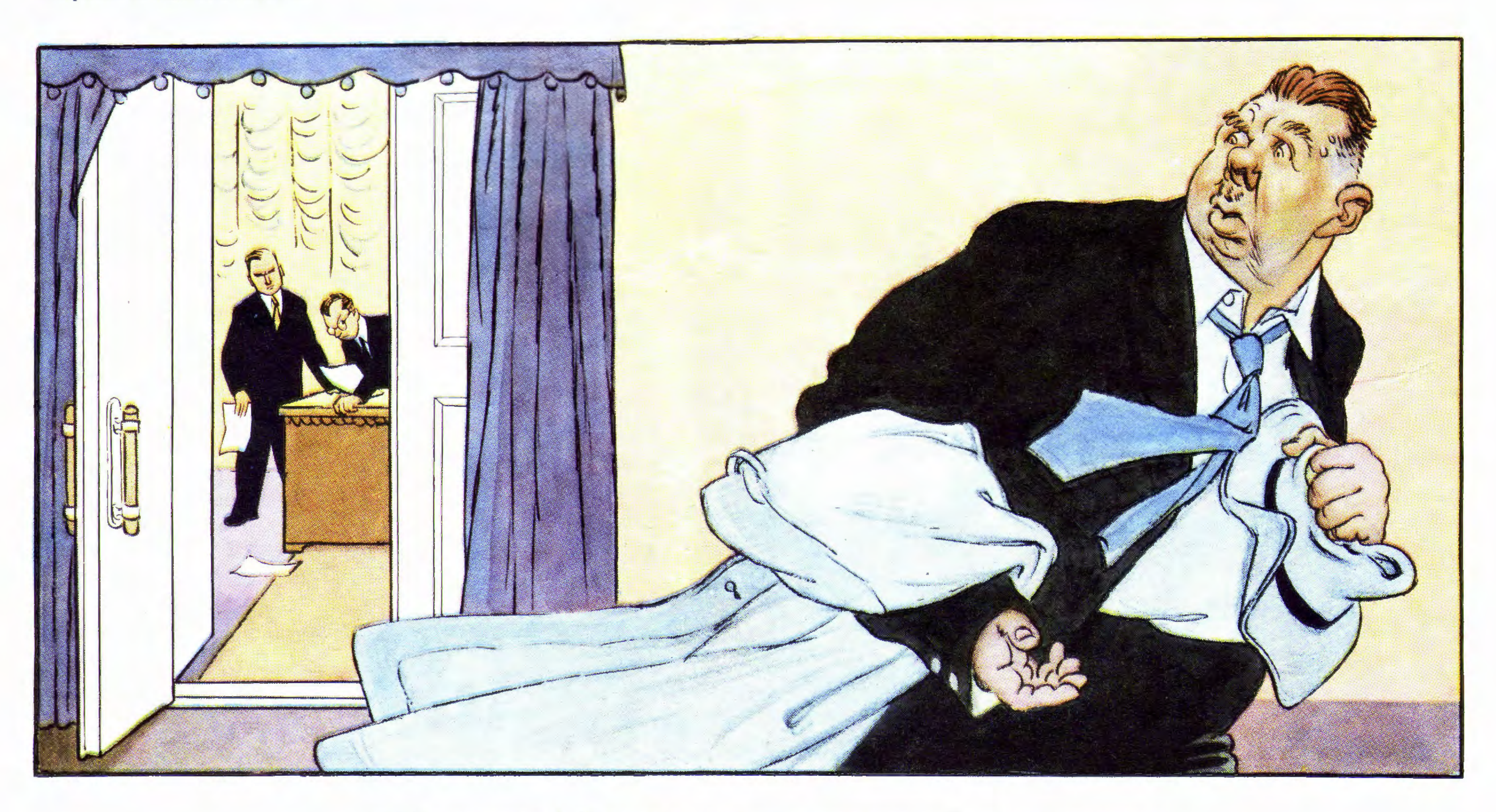
Члены колхоза попрежнему смотрят на неуязвимого председателя и думают:

«Видно, здорово умеет прятать концы в воду Олег Павлович. И всё потому, что у него в районе своя рука. Да не одна, а целых три — в лице Перминова, Казурова Барненко».

А. НИКОЛАЕВ

Котельниковский район, Сталинградской области.

Рисунок Н. ЛИСОГОРСКОГО.

— Не согласен! Я просил только должность с большим окладом, а мне предлагают ещё и большую работу!..

ФЕКЛА ИВАНОВНА сватает ШАХТУ

Друже Крокодил!

Тебя интересуют шахтёрские новости? Что ж, охотно поделюсь ими. Вот давеча встречаю знакомого, старого шахтёра Тараса Фёдоровича.

— Наше вам, Тарас Фёдорович! Как,— говорю,— живёте-можете?

— Да так, не слишком хорошо, но и не слишком плохо. Не дёготь, но и не мёд...

— Это почему же?

— Шахту нам сосватали. До сего дня опомниться не можем.

— Кто же вам удружил?

— Трест «Сталиншахтострой». Он строил, он и сватал. Подсунул невесту. С первого взгляда будто бы и ничего: ладная, статная, красивая, а на поверку... Эх, что говорить, сработал трест почище Фёклы Ивановны...

— Это какой Фёклы Ивановны?

— Гоголевской. Помнишь, как она Подколесину сватала Агафью Тихоновну? Не девушка, говорит, а рефинат! Белая, румяная, как кровь с молоком, сладость такая, что и рассказать нельзя! А приданое: каменный, говорит, дом о двух елтажах. Пивной, говорит, погреб тоже большое общество привлекает. Два деревянных хлигеря: один совсем деревянный, другой на каменном фундаменте... Вот точно таким манером нам шахту № 8 «Ветка» расписывали...

— Зачем же трест это делал?

— А чтобы поскорее сбыть её эксплуатационникам. Это, говорили, не шахта, а кровь с молоком!.. Мы было не поверили. Нет ли у неё, спрашиваем, дефектов в «скрытых работах»? А трест себя в грудь бьёт: да как вы могли на нас такое подумать! Проверьте, ежели хотите! А разве это проверишь? «Скрытые работы» обозреть невозможно так же, как, скажем, фундамент выстроенного дома...

— Оно понятно, под землю не залезешь!

— Приняли эксплуатационники шахту и видят: надула сваха! Двух месяцев не прошло, а капитальных выработок не узнаешь. Деформировалась порожняковая ветвь рудничного двора, насосная камера, зумпф, камера подземной электроподстанции. Выходит, и невеста с изъяном, и «хлигерь» у неё не на каменном фундаменте!

— М-да, вот тебе и рефинат!

— Шахта рассчитана на 700 тонн угля в сутки. Сейчас она должна давать половину этой цифры, а даёт лишь 100—120 тонн. А чтобы переделать деформированные выработки, надо израсходовать 3—4 миллиона рублей!

— Обманула вас трестовская Фёкла Ивановна!

— Да только ли нас! Вы о шахте № 28, что построена в посёлке имени Войкова, слыхали?

Мы присели на скамью. Тарас Фёдорович раскурил верную свою трубочку и продолжал рассказ:

— Едва закончил трест строить эту шахту, как начал с жару, с пылу сбывать её эксплуатационникам. А они поглядели и говорят: «Э-ээ, нет! Такой номер не пройдёт. Шахта-то с брачком». И впрямь: горные работы, насосная станция и подземный гараж не закончены, да и лавы полностью не готовы... А трест всё уговаривает: «Принимайте её скорее в шахтёрскую семью. Она 150 тысяч тонн угля даст в год. Будете с нею счастливы!»

— Ну и как?

— Сосватали!

— Не может быть! Эксплуатационники ведь видели на этот раз всё! На что же они надеялись?

— Я и сам не пойму! Чудеса, да и только! Приняли они объект, а теперь мучаются...

— А кто персонально руководил строительством шахты?

— Начальник стройуправления № 8 Татаренко. Может, слыхали?

— Неужто его не наказали?

— Нет, зачем же! За брак и очковтирательство сняли с работы.

— Вот видите, такие фокусы не дёшево обходятся.

— Понятно, не дёшево. Ведь Татаренко после снятия с работы вручили премиальные за перевыполнение плана. Дали ему 9 259 рублей, он с горя махнул на курорт... Представляю себе бракодела на отдыхе. Лежит Татаренко на золотом песке, глядит на голубую волну и думает: «В нынешнем году шахта № 28 недодала около 9 тысяч тонн угля. Я получил 9 тысяч премиальных. Чуть больше рубля за каждую недоданную тонну».

Тарас Фёдорович выбил о скамейку потухшую трубочку и, попрощавшись, пошёл прочь. А я сел писать тебе, друже Крокодил, письмо. Как тебе понравилась наша Фёкла Ивановна? И что ты скажешь о простачках из трестов «Куйбышевуголь» и «Макеевуголь», которые запросто дают себя обвести вокруг пальца? Проперчи их, друже, на своих страницах.

А пока бувай здоров. Твой собрат

Донецький Перець

(Сатирический отдел газеты «Радянська Донеччина»).

г. Сталино.

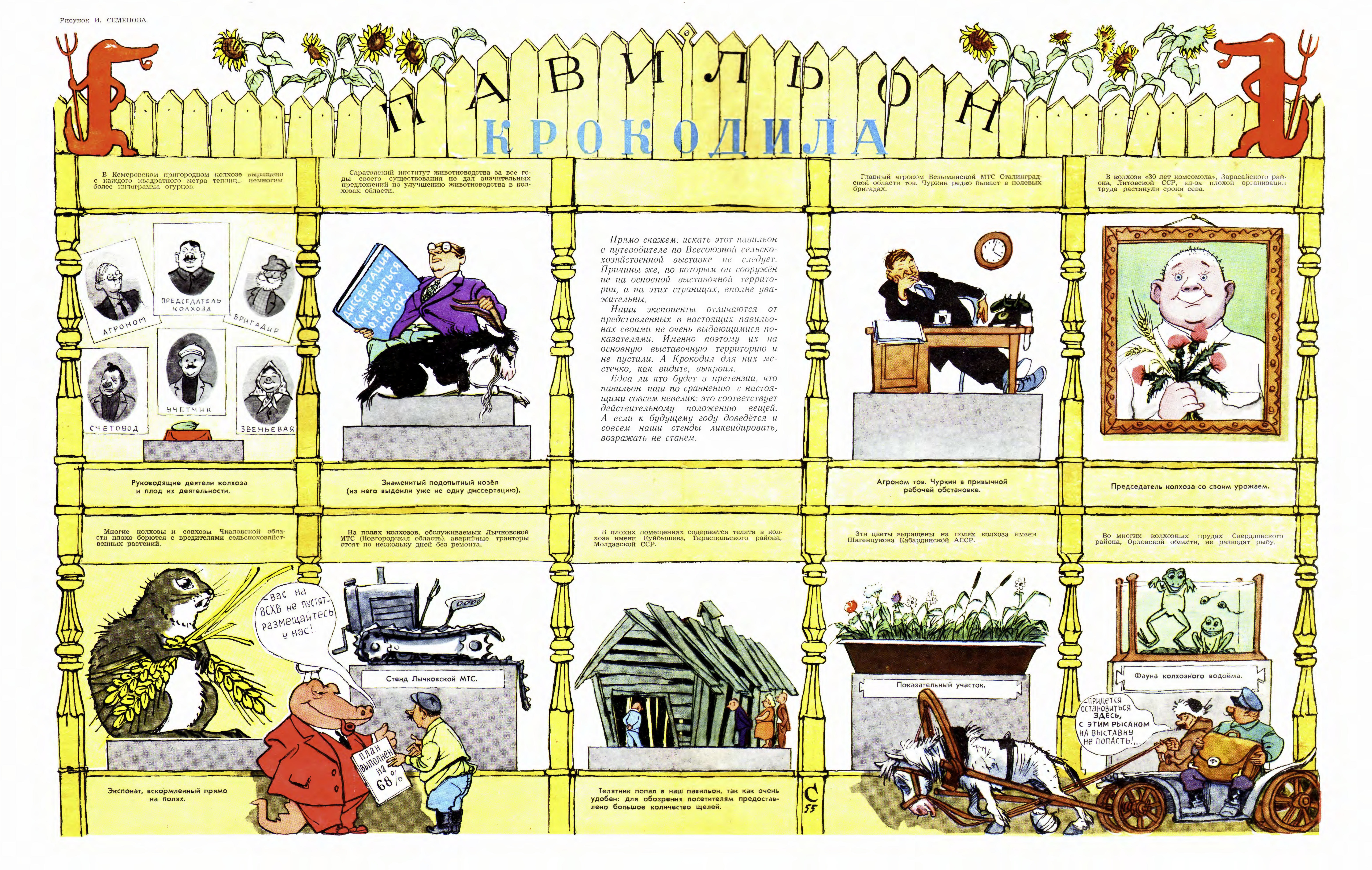
В ЛЕСУ РАЗДАЁТСЯ ТОПОР ДРОВОСЕКА...

Рисунок А. БАЖЕНОВА.

...или как в одном леспромхозе перешли на механизацию.

Рисунок И. СЕМЕНОВА.

Среди многочисленных мероприятий по освоению целинных и залежных земель в Челябинской области есть и такое:

конференция, посвящённая обобщению опыта медицинского обслуживания колхозов, совхозов, МТС на целинных и залежных землях Челябинской области.

Наверно, многие медицинские работники других областей с интересом и, может быть, даже с завистью прочтут это сообщение. «Вот,— скажут,— молодцы! Вот какую ценную проявили инициативу».

Полезно поэтому познакомиться с «ценной инициативой» руководящих челябинских медицинских работников.

Само по себе обобщение опыта — это дело простое, несложное, тем более, что за год с небольшим и медицинский опыт накопился небольшой. Челябинский опыт показал, что такое совещание врачей-практиков можно провести за пять — шесть часов. Отличительные его черты — деловитость и скромность.

Но может ли удовлетворить такое мероприятие людей с «широкой натурой», с размахом в работе, с непомерным честолюбием и с неутомимой жаждой обратить на себя внимание? Что такое это скромное совещание? Кто его заметит? Кто о нём заговорит? Ни шума вокруг «мероприятия», ни блеска, ни треска.

Заведующий областным отделом здравоохранения Д. Сабанов и директор Челябинского медицинского института проф. Г. Образцов ощутили в себе дар театральных постановщиков, режиссёров-романтиков. Скромное совещание в одном акте (дне) — это не интересно. Другое дело — феерическая конференция в четырёх актах (днях) с торжественным прологом и героическим эпилогом.

Стали сочинять сценарий, то есть программу. Быстро набросали пролог с торжественными речами и приветствиями руководителей. Заготовили несколько патетических монологов, в которых было много общих слов о задачах и ничего не было конкретного об опыте.

Потом не без натуги составили первый акт (день). Шесть сельских врачей получили по пятнадцать минут каждый. В общем на полтора часа конкретного опыта. Подсыпали ещё заведующих районными отделами для обобщения опыта. На этом весь материал, подлежащий обобщению, истощился. А впереди ещё три акта (дня). Как и чем их заполнить?

Медицинский институт вывалил доклады, рефераты, материалы по самым разным вопросам. Всё же остались в сценарии дыры и пробелы.

Рисунок Е. ВЕДЕРНИКОВА.

— Держите его, приёмная комиссия идёт!

— Могу предложить студенческие работы,— сказал директор института.

— А имеют ли отношение эти работы к целинным землям?

— Никакого отношения. Но ведь и другие доклады — тоже никакого.

Возникали при этой творческой работе некоторые сомнения.

— А включать ли,— спрашивали скептики,— доклад об опыте изучения временной нетрудоспособности рабочих мартеновского цеха металлургического завода? Как увязать с целинными землями?

— Увяжем. Давай.

— Есть,— говорили нерешительные советники,— доклад о силикозе на подземных работах в Копейске. Интересно, научно, но всё-таки под землёй, а не на земле...

— Неважно, где. Главное — земля!

Но даже и самые решительные заколебались, когда перед ними возникли «Кошачья двуустка» в г. Челябинске и его окрестностях и «Возрастная устойчивость белых крыс к фенадону и текодину».

Потом, однако, решили, что и «Кошачья двуустка» и белые крысы имеют к обмену опытом сельских врачей на целинных землях такое же отношение, как и все прочие доклады. Ничем не хуже и не лучше.

Так при помощи всяких ухищрений удалось состряпать полный сценарий. За четыре дня на утренних и вечерних заседаниях и секциях выступило до полутораста докладчиков: профессоров, доцентов, ассистентов и студентов. Говорили они обо всём и меньше всего о медицинском обслуживании колхозов, совхозов и МТС на целинных и залежных землях. Сельские врачи затерялись в этой густой толпе. Ими никто не интересовался. О них попросту забыли. Зато шума было много, блеска много, треска — ещё больше.

В странном положении оказались не только сельские врачи с целинных земель. Неловко чувствовали себя и другие участники. Они сознавали, что не по своей воле играют какую-то показную роль, создают какую-то оперную обстановку для медицинских теноров и баритонов.

Некоторые говорили:

— Конечно, обмен и обобщение опыта медицинского обслуживания на целине — это только вывеска, скажем, ширма. Но надо всё же воздать должное ловкости и находчивости наших руководителей. Под каким-либо другим предлогом — ну, хотя бы, скажем, под предлогом десятилетия Челябинского медицинского института — вряд ли удалось бы поднять шум, денег на это могли бы и не дать, а под целину удалось, что называется, «оторвать» конференцию. Для медиков Челябинска она не без пользы. Да и что же плохого в том, что сельские врачи побывали на конференции? Надо ценить инициативу...

— Это не инициатива,— говорили другие,— а очковтирательство, как бы вы его ни приукрашивали. Нас, врачей, честных работников, заставили играть странную роль. Как весь наш народ, мы с глубоким уважением относимся к великим работам, предпринятым нашей партией и правительством. Это — серьёзное, святое дело. Нельзя превращать его в ширму, в модную затею.

— Это шумиха,— продолжали врачи — участники феерической конференции,— а где шумиха, там может погибнуть серьёзное дело. Конечно, предприимчивые люди могут с целинными землями связать что угодно. Можно нашуметь докладом «О связи звёздных туманностей с туманами на целинных землях», да ведь такой туман не скроет комбинатора. Это не острота ума, а проворство рук.

«Конференция» медиков в Челябинске наделала немало шума, но славы своим постановщикам она не принесёт. Советская наука, советская медицина, как и всякое серьёзное дело, не терпит показной шумихи.

Д. ЗАСЛАВСКИЙ.

ПРЕДЕЛ ЧЕЛОВЕЧНОСТИ

У каждого художника есть своя заветная мечта, свой эстетический идеал. Есть свой идеал и у голливудского постановщика Орсона Уэллса, которого рекламная пресса окрестила «баловнем фортуны».

«Я бы хотел,— мечтательно говорит он,— создать простой, человечный, без драматических фокусов фильм о конце света».

Вот он, светлый идеал Уэллса,— конец света! Идеал, безусловно, глубоко человечный... Только что же в таком случае называется человеконенавистничеством?

ГЛАС БОЖИЙ

Другой голливудский постановщик, Сесиль де Милль, одержим идеей создать боевик по Ветхому Завету. Подобрать актёров на роли библейских патриархов особых трудностей не представляет, но вот роль господа бога...

Ведь голос, изрекающий на горе Синай десять заповедей (фильм и называется «Десять заповедей»), должен быть голосом существа, стоящего выше людей, привыкшего повелевать.

«Кого же можно выбрать на столь ответственную роль? — задумался де Милль.— Пожалуй, генерала. Ведь именно голоса обладателей генеральских мундиров звучат сегодня в Америке громче всех».

На этом он и остановил свой выбор. По сообщению журнала «Ньюсуик», в качестве голоса господа бога будет использован голос небезызвестного кровавого генерала Ван Флита.

НОВЫЙ БИЗНЕС

Голливудский постановщик Майк Тодд публично объявил о намерении экранизировать «Войну и мир» Льва Толстого. Замысел этот, безусловно, сам по себе не вызывает возражений, но вот коллега Тодда — Дэвид Сельзник — не без ехидства заметил:

— Майк так любит похвастаться, что я даже не стану оспаривать его утверждение, будто он прочёл «Войну и мир».

И в самом деле, судя по многим голливудским экранизациям великих творений классиков мировой литературы, авторы их не только отошли от оригиналов, но никогда близко к ним и не подходили.

Впрочем, это обстоятельство отнюдь не мешает им искажать и коверкать эти творения. Скорее, наоборот!

Г. ЮРЬЕВ

Рисунок В. ГОРЯЕВА.

НА АССАМБЛЕЮ МИРА

— Он едет делегатом в Хельсинки, чтобы никогда больше не повторилась Хиросима.

Премий не будет!

Многие тотальные мобилизации лисынмановцев натолкнулись на активное сопротивление южнокорейской молодёжи и должного эффекта не дали. Сейчас южнокорейские мальбруки поставили перед собой задачу создать до конца года десять резервных дивизий для замышляемого «марша на север».

По сообщению агентства Тоньян Тхонсин, лучшие умы министерства «национальной обороны» создали специальные «сыскные отряды» из жандармов и полицейских сыщиков. Их назначение — хватать любого мужчину призывного возраста (по лисынмановской терминологии, дезертира) в любом месте, в любое время суток и без лишних слов тащить в казарму. Тот, кто выполнит «норму поимки дезертиров», имеет право на денежную премию и почётную грамоту.

Но даже это не помогает. Несмотря на упомянутое «стимулирование заготовок», работа в отрядах не спорится. В лучшем случае удаётся схватить какого-нибудь зазевавшегося юнца...

И всё, наверное, потому, что члены отрядов — люди явно безынициативные и несообразительные. Они, чудаки, рыскают по улицам, торчат на вокзалах, на автобусных остановках и в других людных местах. Но газет в силу своей малограмотности, видимо, не читают. Если бы читали, то наверняка наткнулись бы на такие слова в сеульской газете «Корейская республика»: «Реальная угроза на Дальнем Востоке состоит не в том, что война наступит, а в том, что она не наступит».

Тут уж не обязательно быть гением, чтобы принять единственно правильное решение: скорей в редакцию! Вот где сидят энтузиасты, вот кто рвётся в бой! Глядишь, дневная норма и будет выполнена одним махом.

Ну, а как же всё-таки быть с общей нормой в десять дивизий? Забрить поголовно всех воинственных крикунов из лисынмановской прессы? Так ведь их вряд ли наберётся хотя бы на одну роту!

Лучшие умы министерства «национальной обороны» могут быть спокойны за свой премиальный фонд: расходов предстоит не много.

В. БОЕВ

Ирена ТОМСКАЯ

Истинная натура

На собрании директора критиковали, и это было в порядке вещей, соответствовало общей линии, данному этапу, условиям момента,— одним словом, всему тому, к чему он привык, как рыба к воде, и в чём он чувствовал себя так же свободно, как в любимом, хотя и изрядно поношенном костюме.

Но хуже было с выполнением обещаний, которые директор весьма охотно дал в своём ответе на критику.

Сначала казалось, что это совсем просто. Ведь, в конце концов, в чём его упрекали? В недобросовестности? В отсутствии должной квалификации? В алкоголизме? В распущенности? Да ничего подобного! Подвести общий итог всем претензиям и упрёкам, высказанным на собрании, можно было одной фразой: директор не живой человек.

Он машина, какой-то механизм, действующий, может быть, и исправно, но совершенно бездушно. Директор не вникает в нужды сотрудников. Они не интересуют его как отдельные личности. Если у кого-нибудь из них возникают затруднения, горести, сомнения, легче им искать сочувствия у первого встречного, чем у директора. А ведь директор обязан помогать людям.

Всю ночь директор провёл без сна. Он обдумывал, что и как нужно изменить в своих поступках, в обращении с людьми, в себе самом.

Утром он встал с продуманным планом. Бреясь в ванной, он велел двенадцатилетнему сынишке свистеть песенку «Ну, коняшка!» — и сам даже пытался свистеть, хотя это казалось ему до сих пор недопустимым и неприличным.

Так, посвистывая, он и переступил порог своего учреждения. Старый швейцар низко поклонился ему, за что был вознаграждён товарищеским похлопыванием по плечу и игривым замечанием:

— Весна, не правда ли? Эх, старина, сейчас пойти бы погулять с девочками, а тут эта нудная служба, не так ли?

До сих пор директор, казалось, не замечал, к какому полу принадлежит его секретарша, но на сей раз он подмигнул ей и, заметив смущённый румянец девушки, шутливо рассмеялся:

— Какого это рака испекла девочка? Нельзя стыдиться дяденьки! А вот если приключится что-нибудь неладное с сердечком, тотчас же надо придти к дяденьке и обо всём рассказать.

Все восемь часов директор старался не выходить из новой роли — благодушного и доброжелательного начальника. Заведующий отделом кадров много лет страдал от неприятной болезни. Об этом знали в учреждении все, кроме директора, который с лучшими намерениями посоветовал ему:

— Дорогой мой, мне кажется, вам нужно больше двигаться. И ежедневно хотя бы часочек кататься на велосипеде.

Незамужнюю бухгалтершу директор обрадовал сообщением о проектируемом открытии для детей сотрудников новых детских яслей.

У заведующего секретариатом, которого недавно бросила жена, директор с искренним интересом осведомился о здоровье супруги.

Встретив в коридоре запыхавшуюся уборщицу, директор заверил её, что отныне теоретические занятия будут проводиться чаще, и пообещал достать целый штабель учебников.

Эти и десятки других разговоров с живыми людьми привели к тому, что к концу дня директор почувствовал себя так, как будто бы из него кто-то выкачал насосом все силы. Воспользовавшись тем, что в кабинете, кроме него, никого не было, директор уронил голову на руки, чтобы дать мускулам лица отдых от улыбок, щедро расточавшихся целый день.

В такой позе увидела его секретарша. Она бесшумно приоткрыла и тут же захлопнула дверь.

— Видимо, это правда,— сказала она, обращаясь к кому-то.— Он сейчас спит.

Затем директор услышал, как она добавила:

— При всех своих недостатках он никогда не казался нам алкоголиком. Очевидно, умел скрывать это. Только сегодня, когда он явился на работу в пьяном виде, выяснилось, что он знает о каждом из нас больше, чем мы думали. Вот когда обнаружилась истинная натура этого старого волокиты, сплетника и интригана!

Из журнала «Шпильки».
Перевёл с польского
А. ТИМАШЕВ.

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ГОРДОСТЬ

Рисунок Ю. ГАНФА.

СОТРУДНИК ФБР: — Ничего, что порядочные люди не подают нам руки. Зато у нас есть отпечатки их пальцев.

Сатира за РУБЕЖОМ

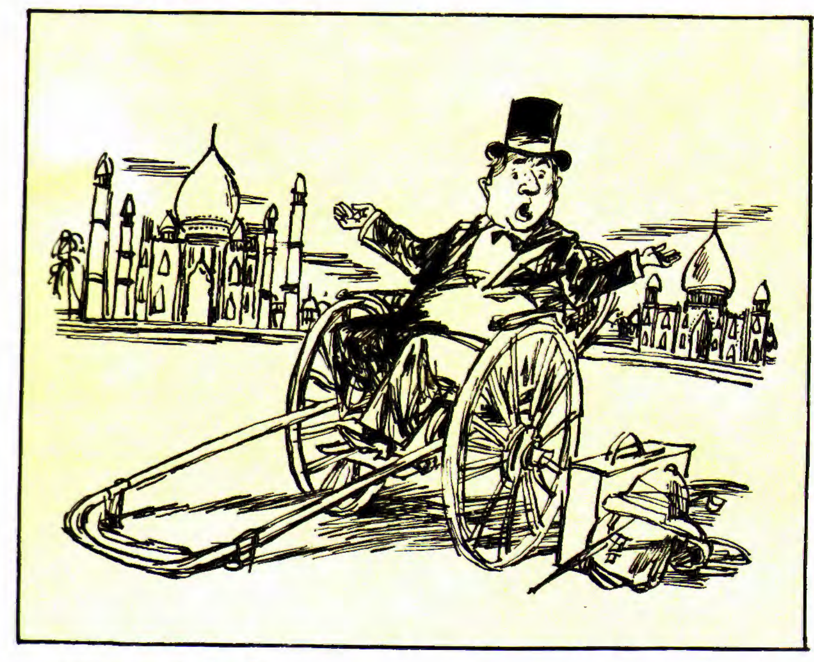
Рисунок Пак Сын Хи из корейского журнала «Хуальсал».

С помощью лисынмановской клики американские империалисты прибирают к рукам экономику Южной Кореи.

Американские грабли.

Рисунок Д. Савича из югославской газеты «Борба».

ИМПЕРИАЛИСТ:— Что же это?! Выходит, меня некому везти!

Самокритичный монсиньор

Таблички в трамвае разумно предупреждают: «Не разговаривайте с водителем!»

Кардинал Пьяцца, лидер партии «Католическое действие», недавно обратился к членам своей партии с гораздо менее разумным призывом: «Не разговаривайте с коммунистами!»

Почтенный монсиньор, как видно, считает недопустимым какое-либо общение между католиками и коммунистами. «Нужно,— заявляет он,— избегать таких контактов. Они всегда кончаются плохо, так как логика коммунистов очень тонка».

Как видим, кардинал, который явно намекает здесь на свой собственный печальный опыт, откровенно признаётся, что его логика не блещет тонкостью. И с этим нельзя не согласиться!

Из итальянского журнала «Календарио дель пополо».

Благочестивая затея

Недавно американский адмирал Артур Рэдфорд распорядился выпустить сорок миллионов экземпляров библии для вооружённых сил США, а также, как уточняет агентство Юнайтед Пресс, «для населения, которое подлежит освобождению доблестными вооружёнными силами Америки».

При этом Рэдфорд не преминул напомнить, что его коллеги и он лично «самым искренним образом стремятся к миру».

Вот теперь всё ясно! Если Рэдфорд требует применения атомной бомбы, то это только для того, чтобы, «освободив» народы, принести им мир и приобщить их к священному писанию.

«С нами бог!» — говорили гитлеровские генералы.

Из французской газеты «Юманите»

Рисунок Чжан Вэнь-юаня из китайского журнала «Маньхуа».

Опрокинутые надежды.

ДУШИСТЫЙ БУКЕТ

Мы не сомневаемся, что авторы приведённых ниже цитат из театральных рецензий говорят в жизни, в быту обычным, простым и понятным языком. Но... стоило им взяться за перо, и вот с русским языком произошли какие метаморфозы:

* * *

Здесь не оправдано быстрое прекращение живого ритмического пульса ярмарочной суматохи... Частично этот пульс переходит в вокальную партию...

...Наличие весёлой трудовой сцены... намного подняло бы идейную и динамическую весомость всего оперного действия, — которое, пожалуй, чрезмерно насыщено идиллическим колоритом...

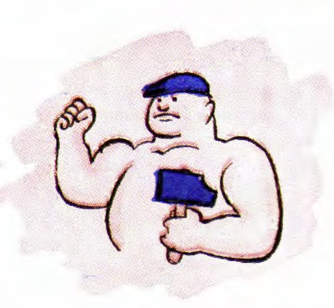
«Советская Эстония», № 85.

* * *

...Богатство ассоциаций рождает дополнительные «отлёты» мысли, побочные эпизоды.

В спектакле... яснее проступает рабочая, пролетарская мускулатура.

«Звезда», № 76 (г. Молотов).

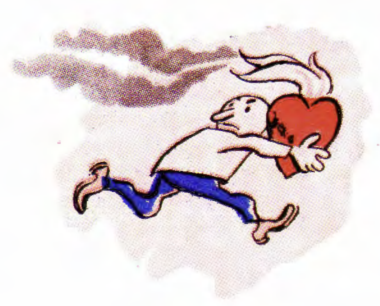

* * *

...Способному артисту необходимо... изжить элементы излишней напряжённости звучания.

С подлинным симфонизмом звучания провёл оркестровую партию...

«Калининская правда», № 70.

* * *

...Артист... не использовал того небольшого материала, который даёт пьеса. Даже горячее сердце лейтенанта он предпочёл укрыть подальше от зрителей.

«Социалистическая Якутия», № 72.

* * *

...Большие чувства заменяются нервозностью и криком.

«Кузбасс», № 59.

* * *

...Недостатки, конечно, есть... не ликвидированный ещё разрыв между эмоциональной игрой главы квартета... и «академически невозмутимой» манерой игры остальных участников квартета.

«Восточно-Сибирская правда», № 77

* * *

...Артист... вовсе отказался от пения и попросту произносит слова своей арии в ритм оркестрового аккомпанемента.

«Ленинское знамя», № 77 (г. Петрозаводск).

* * *

...В некоторых сценах он нажимает на комедийные пассажи.

«Ставропольская правда», № 79.

* * *

...Она умело ведёт диалог, ощущает подтекст и второй план.

«Артёмовский рабочий», № 43.

* * *

...Образ... в спектакле всё же прокорректирован простейшим приёмом... Нейтрализовать религиозно-моральные сентенции...

...Это какой-то абстрактный драматизм и лиризм вне времени, вне конкретных условий...

«Рабочий край», № 60 (г. Иваново).

* * *

Он переживает сложный процесс внутреннего развития.

«Советская Киргизия», № 65.

* * *

...Этот персонаж выведен в пьесе как образ положительный. К сожалению, драматург вывел его в бледном свете.

«Знамя коммунизма», № 52 (г. Усть-Каменогорск).

* * *

...Музыка... построенная на танцевальных ритмах, не стала равнозначным компонентом спектакля, хотя она и не нарушила его сквозного действия.

«Коммунар», № 54 (г. Тула).

* * *

...Это — если так можно выразиться — душистый спектакль.

«Правда Южного Казахстана», № 72 (г. Чимкент).

* * *

Букет, как видите, душистый. Но хватит, пожалуй, этих перлов. Надо же читателю отдышаться...

ВОДА В СТУПЕ

В пятницу И. Ф. Козодой кончает свою трудовую неделю. Он берёт грузовик и мчится из города Кропоткина — за 150 километров — в город Краснодар, где живёт его семейство. Субботу, воскресенье и понедельник Козодой проводит в кругу домочадцев, отдыхая душой и телом от руководящей работы. Во вторник он собирается в обратный путь, сокрушённо приговаривая:

— Что поделаешь! Рад бы остаться ещё на денёк, да работа не терпит.

И добавляет, приосанясь:

— Как-никак на моих плечах водоснабжение степных колхозов Кубани! Сейчас, в связи с проблемой поднятия животноводства, это, милые мои, такая ответственность!..

И. Ф. Козодой — начальник Кропоткинской строительно-монтажной конторы «Мелиоводстроя». Контора под его энергичным руководством сооружает в местных колхозах артезианские колодцы и водопроводы. Она пользуется громкой известностью, и её работа находит повсеместно горячие отклики.

К примеру, отклики со стороны колхозов имени Ворошилова, имени Калинина и «Путь к коммунизму» звучат так:

— Долго ещё эти халтурщики-водопроводчики будут нас мучить?! Копаются три года, четыре года, пять лет, вогнали нас в многотысячные расходы, а воды всё нет и нет!

Местное отделение Сельхозбанка тоже откликается:

— Доколе Козодой и его подручные будут грубо нарушать финансовую дисциплину и срывать производственные планы?

К этому гневному хору присоединяют свои голоса районная газета «За коммуну» и краевая газета «Советская Кубань»:

— Безобразие! Бракоделы! Навести порядок в Кропоткинской конторе «Мелиоводстроя»!

Словом, все возмущаются, отовсюду летят тревожные сигналы и жалобы.

— Ну что же! Учтём! — сказал управляющий краснодарским трестом «Мелиоводстрой» тов. Грицутенко. И 11 мая сего года приказом № 72 премировал Козодоя... «за хорошую работу». Дескать, его контора среди некоторых других контор ещё имеет некоторые плюсы, кроме минусов.

...Смотрят краснодарские колхозники на эту водяную феерию и взывают в скорби душевной к Министерству водного хозяйства РСФСР: «Батько! Слышишь ли ты?» Но ответного «Слышу!» пока что-то не слыхать.

М. ЛЬВОВ

●

ШУТКИ В СТОРОНУ!

Марфа Андреевна Ногайкина, проживающая в Махачкале, получила телеграмму:

«Выехал жених второго вагон седьмой встречайте Константин».

Приезду жениха надо бы радоваться, а Марфа Андреевна обиделась:

— В семьдесят лет получать неуважительные шутки от племянника! Обидно!

Приехал племянник, и не один, а с внучкой. Тётка начала было объясняться насчёт неуместных шуток. Но вместо извинения племянник принялся хохотать:

— Тётя, я в «женихе» не повинен. Посылал я телеграмму из Москвы, с Казанского вокзала, и чётко написал: «Выехал Женей», вот с вашей внучкой.

Инцидент обошёлся шуткой. Но во что может обойтись иная «шутка» в деловой или служебной телеграмме? Думают ли об этом шутники на телеграфе?

Дорогой Крокодил!

ДОРОГОЙ КРОКОДИЛ!

Ещё в школьные годы нам говорили, что не отвечать на письма невежливо. Поэтому нас очень удивляет странное поведение директора Бакинского трубного завода тов. Мамедова. Только за январь — май этого года мы послали ему тринадцать телеграмм и несколько писем. Но почти все наши корреспонденции остались без ответа. Даже обращения в Главметаллосбыт не помогли.

В подобных случаях обычно прекращают переписку с невежливым адресатом. Увы, мы лишены этой возможности! Ведь завод — единственный плановый поставщик катанных труб для нашего треста. Горе наше в том, что завод систематически задерживает отгрузку труб. Тут уж не о вежливости забота! Ведь отсутствие труб приводит к остановке работы и даже к авариям!

Если директор Бакинского завода не научился вежливости в школьные годы, то государственному подходу к работе в зрелом-то возрасте он должен научиться?

Ведь и положение обязывает!

С. ДЕМИН,
секретарь партбюро,
П. ШИНДЕР,
инженер по оборудованию отдела техснаба.

Трест «Артёмуглегеология»,
г. Артёмовск, Сталинской области.

Рисунок П. ТЭН (Самарканд).

В некоторых колхозах Джамбайского района Самаркандской области на полях работают только женщины. Мужчины заняты на второстепенных работах или бездельничают.

Жаркая пора.

УВАЖАЕМЫЙ КРОКОДИЛ!

Весело смеялись работники Евсинской МТС, когда получили срочную директиву областного управления сельского хозяйства «О нормах выработки и расценках рыболовецких колхозов». Сразу же завязались жаркие дебаты, какая уха жирнее, из щук или карасей. Но при этом в репликах механизаторов слышалось плохо скрываемое ехидство...

Естественно, дорогой Крокодил, у тебя возникнет вопрос: почему же так веселились в МТС? Но прежде чем ответить на этот вопрос, мы расскажем тебе вторую историю.

В другой раз из областного управления сельского хозяйства в МТС спустили план ремонта картофелесажалок. Начальник управления тов. Топтыгин установил даже жёсткие сроки ремонта этих машин. Но это весьма серьёзное по своему содержанию послание также вызвало лишь прилив бурного веселья...

Теперь откроем тебе секрет. Дело в том, что в нашей МТС... нет ни одной картофелесажалки. Как же мы можем выполнить план их ремонта?!

А к нормам выработки и расценкам рыболовецких колхозов не хватает крохотного приложения: всего-навсего... рек и озёр! В зоне нашей МТС имеется единственный ручеёк, да и тот летом высыхает. Просили мы тов. Топтыгина разъяснить, как выполнить эти самые нормы выработки, но он молчит, как рыба...

Н. ШЕШУКОВ

Голышмановский район,
Тюменской области.

ДОРОГОЙ КРОКОДИЛ!

Обращаемся к тебе по одному чрезвычайно странному и, можно сказать, редкостному делу. А заключается оно в следующем.

Как известно, автомобили нашего завода пользуются большим спросом. Потребители обычно с большой охотой берут машины с маркой «ГАЗ».

И вот, представь себе, какое обнаружилось удивительное обстоятельство: меньше всех интересуется новыми автомобилями... Министерство автомобильного транспорта и шоссейных дорог! Невероятно, но факт: уже пятый месяц стоят и скучают на нашем заводе 700 газобаллонных автомашин, предназначенных для этого министерства, а почтенный клиент и в ус не дует. Хоть бы разнарядку удосужился прислать, чтобы завод мог отгрузить эти автомобили куда следует!

Очень просим тебя, дорогой Крокодил, передать наш поклон заместителю министра автомобильного транспорта и шоссейных дорог тов. Хрулеву. И пусть он спросит своих подчинённых: дескать, как они понимают интересы государства и своего собственного ведомства применительно к данному автопроисшествию? Очень интересно, что они ответят на это.

П. ДОШМАКОВ,
заместитель начальника отдела сбыта автозавода имени Молотова.

г. Горький.

ТОВАРИЩ КРОКОДИЛ!

Помоги нам решить сложную задачу. Задал её нам секретарь РК КПСС по зоне нашей МТС тов. Ярченко. Когда ему надо было отчитываться о своей работе на бюро райкома, он срочно разослал всем специалистам МТС подробные вопросники с предписанием дать ответ в течение двух дней.

И каких только вопросов не задал нам тов. Ярченко! И о состоянии колхозного животноводства в прошлом и в этом году, и о проведении зимних агромероприятий, и о суммах затрат на ремонт машин и после ремонта, и о передовиках производства...

Одним словом, «страшно перечесть». Чтобы ответить на все вопросы, нам пришлось бы вместо проведения весеннего сева с головой уйти в бумаги.

Поэтому вместо ответа мы сами решили задать только один вопрос: как назвать человека, который должен непосредственно заниматься делами МТС, но занимается в основном обильной писаниной?

ЗАХАРЬЯН — главный инженер,
ЖУК — главный агроном,
ГОНЧАРОВ — главный зоотехник,
ЧУКАРИН — главный бухгалтер,
БОРИСЕНКО — старший ветврач.

Селивановская МТС,
Каменской области.

Главный редактор — С. А. ШВЕЦОВ.

Редакционная коллегия: А. Н. ВАСИЛЬЕВ, В. Н. ГОРЯЕВ, Д. И. ЗАСЛАВСКИЙ, И. В. КОСТЮКОВ (зам. главного редактора), КУКРЫНИКСЫ (М. В. КУПРИЯНОВ, П. Н. КРЫЛОВ, Н. А. СОКОЛОВ), С. Д. НАРИНЬЯНИ, И. А. РЯБОВ, Л. С. СОБОЛЕВ.

Изд-во «Правда». Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-31-37, Д 3-34-37. Приём ежедневно (кроме воскресных дней) с 13 до 17 часов.

А 03350 Изд. № 515. Подписано к печати 10/VI 1955 г. Формат бум. 70×108⅛. Заказ № 1637. Тираж 600 000 экз. 1 бум. л.—2,74 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

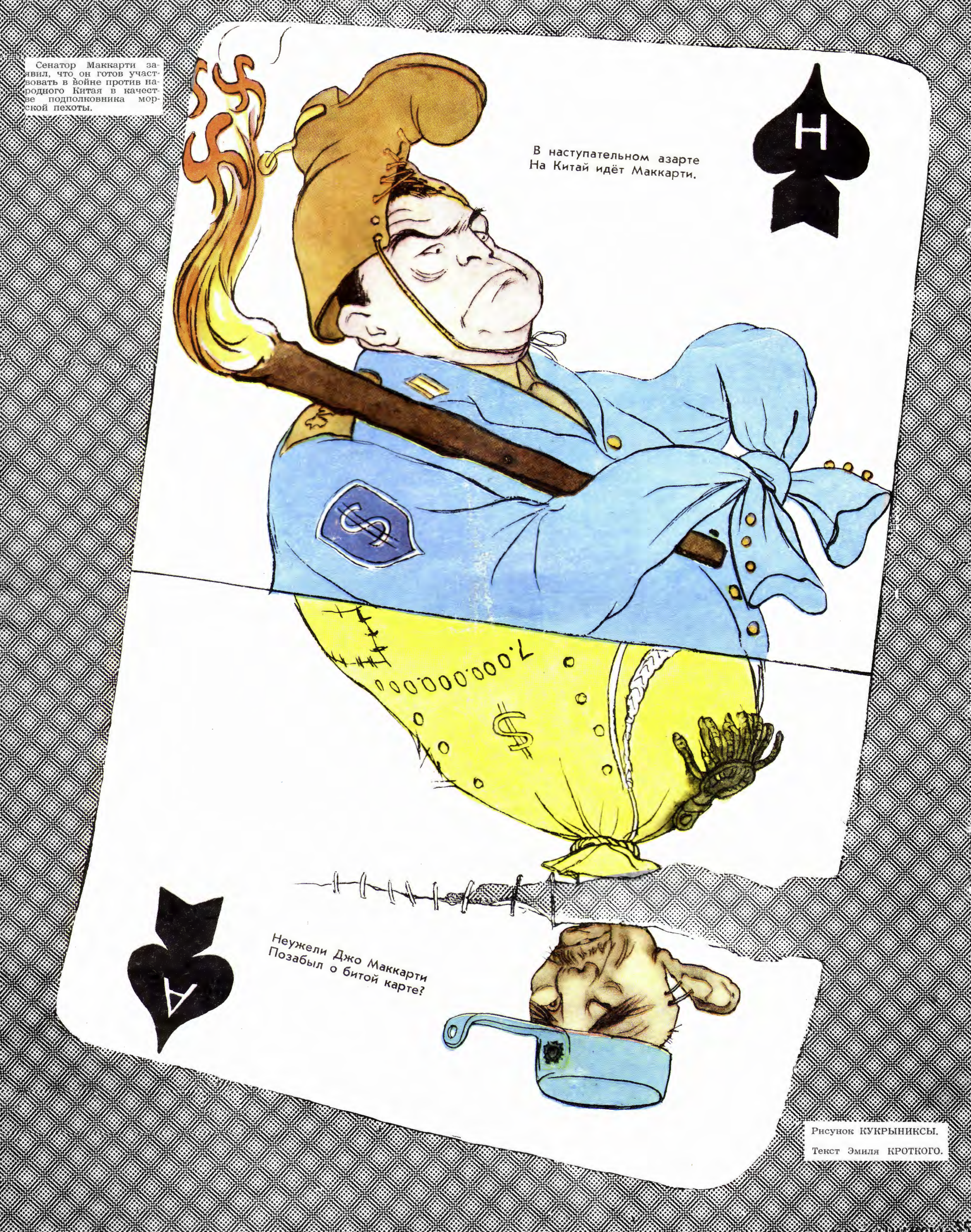

Рисунок КУКРЫНИКСЫ.

Текст Эмиля КРОТКОГО.